

Ю. Н. Гусева, В. С. Христофоров
**МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ РОЛИ СПЕЦСЛУЖБ
В ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ XX в.: НАРРАТИВЫ И АКТОРЫ**

doi: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-99-108

УДК 94(47):351.853.1 ББК 63.3(2)+85.136.155

В фокусе внимания авторов статьи находятся исторические нарративы спецслужб о роли и значении деятельности контрразведчиков и разведчиков в годы Великой Отечественной войны, воплощенные в монументальных сооружениях (памятниках, мемориальных комплексах) и связанных с ними ритуалах. Цель исследования — изучение ведомственных нарративов о Великой Отечественной войне, которая является главным объектом символической политики отечественных спецслужб. Для этого последовательно рассматриваются процесс формирования и содержание исторических нарративов, их целеполагание, выражение в монументальных объектах. Следуя методологическим наработкам «третьей волны» исследований истории памяти изучаются коммеморативные практики российских спецслужб, которые, как мнемонические акторы на поле российской символической политики, взаимодействуют с другими государственными и общественными институциями, прежде всего с Русской православной церковью. В результате изучения открытых источников ведомственного характера, а также авторской систематизации и анализа монументальных объектов, возведенных органами государственной безопасности в различных регионах России в честь победы в годы Великой Отечественной войны, делается вывод о заметной активизации деятельности спецслужб в данном направлении с начала 2010-х гг., особенностях ресурсного наполнения этого процесса.

Ключевые слова: *российские спецслужбы, история разведки, история контрразведки, память о Великой Отечественной войне, исторический нарратив, коллективная идентичность, исторические памятники, Русская православная церковь*

В фокусе нашего внимания — исторические нарративы спецслужб о роли и значении деятельности контрразведчиков и разведчиков в годы Великой Отечественной войны (шире — в прошлом страны), воплощенные в коммеморативных объектах и практиках — памятниках, мемориальных комплексах¹ и связанных с ними ритуалах. Кроме того, объектом исследования является также взаимодействие спецслужб как мнемонических акторов² в об-

щем поле символической политики с другими интересантами.

«Третья волна» исследований памяти привела к смещению фокуса внимания ученых от нарративов и мест памяти к изучению мнемонических акторов и их взаимодействий.³ Данные субъекты обладают различными ресурсами, помогающими им одерживать верх в борьбе за приобретение символического капитала (престиж, легитимность, влияние и пр.).⁴

Монументальные практики являются специальными инструментами, с помощью которых эти акторы утверждают свои интерпретации прошлого на поле символической политики.

Научная значимость изучения данной темы в методологической рамке *memory studies* позволяет изучить процесс «изобретения» новых традиций и ритуалов, рассмотреть взаимодействие различных мнемонических акторов в процессе формирования и трансляции этих нарративов, сконструировать коллективную

¹ Памятники не представляют историю как таковую, они — материальное и символическое воплощение «политических конструкций определенных нарративов прошлого, выражение правящей власти, решившей обозначить [эти нарративы] в том или ином месте» (Браточкин А. Городское пространство // Все в прошлом: теория и практика публичной истории. М., 2021. С. 44). Здесь и далее в статье, если не оговорено иное, в обобщенное понятие «памятники» мы включаем отдельные скульптуры, мемориалы, обелиски, памятные доски, памятные знаки, памятные камни.

² Под «мнемоническими акторами» мы понимаем общественно-политические силы, заинтересованные в определенной

интерпретации прошлого, которая могла бы способствовать завоеванию и удержанию реальной и/или символической власти.

³ См.: Миллер А. И., Пахалюк К. А. Региональный аспект политики памяти в России — масштабирование и акторы // Политика памяти в России — региональное измерение. М., 2023. С. 5–23.

⁴ См.: Там же. С. 49.

Гусева Юлия Николаевна — д.и.н., профессор, Московский городской педагогический университет (г. Москва)
E-mail: j.guseva@mail.ru

Христофоров Василий Степанович — чл.-корр. РАН, г.н.с., Институт российской истории РАН (г. Москва)
E-mail: xvsarhiv@rambler.ru

идентичность группы сотрудников спецслужб, выраженную в нарративах о войне.

В работе мы последовательно будем освещать, как выглядит процесс «изобретения» новых традиций, как и кем используется эта новая традиция и с какой целью? Какие трактовки прошлого, настоящего спецслужб и их роли в истории России репрезентуются путем сооружения монументов героям войны 1941–1945 гг.? Отдельно рассмотрим вопрос о том, с какими иными мнемоническими акторами (Русской православной церковью) и каким образом ведется взаимодействие.

Имеющаяся историография дает обширную базу для понимания методологии исследований исторической памяти вообще и памяти о Великой Отечественной войне в частности.⁵ Более узкие аспекты российской политики памяти (взаимодействие акторов, формирующих официальный нарратив, процесс выработки версий групповой памяти и стратегий их продвижения) глубоко освещены в работах ведущих российских специалистов — А. Миллера и О. Малиновой, Д. Ефременко и др.⁶

Современные исследователи сходятся в том, что наследие Великой Отечественной войны является главным объектом символической политики не только государства в целом, но и отдельных ведомств; при этом обращается внимание на слабую изученность внутригрупповой интерпретации исторических событий, которая крайне важна, «особенно когда речь идет об институциональных акторах, чья повестка существенно влияет на конфигурацию всего поля».⁷ Действительно, коммеморативная повестка изучаемой нами группы в качестве отдельного мнемонического актора и ее ресурсов представляет собой малоизученную тему.

Вопросы сохранения памяти о Великой Отечественной войне и ее роли в российской символической политике и политике памяти рассматриваются довольно давно.⁸ Важное значение

для сравнительного анализа имеет коллективная монография «Политика памяти в России — региональное измерение».⁹ В публикации В. В. Лапина и А. Б. Матисова, посвященной анализу репертуара мемориальных сооружений, динамики их создания и смыслам, произведен анализ видов памятников сотрудникам МВД, пограничных служб и НКВД, обстоятельства их появления.¹⁰ Представленные данные актуальны на 2021 г., но практически не затрагивают органы разведки и контрразведки.

Отдельные выводы в отношении памятников советским контрразведчикам и разведчикам-героям войны были осмыслены одним из авторов статьи на материалах Республики Крым.¹¹

Таким образом, поставленный нами вопрос исследования в таком фокусе и в таких хронологических рамках ранее не решался. Вопросы групповой исторической памяти разведчиков и контрразведчиков, специфики их коммеморативной повестки освещались весьма фрагментарно.

Исследователи сходятся во мнении, что «в течение трех последних десятилетий в Российской Федерации отмечался взрывной рост числа монументальных символических объектов, различающихся по размерам, тематике и по смыслам, в них заложенным. Неопределенность статуса ряда мемориальных сооружений, отсутствие стройной системы регистрации затрудняют их учет».¹² Для решения поставленных задач нами был составлен примерный перечень основных памятников, посвященных подвигам разведки и контрразведки, произведена их систематизация по видам, времени строительства. Материалы для систематизации брались из интернет-источников, а также

тике. 2020. Т. 18. № 5 (105). С. 67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stradaniya-podvig-tyla-i-obschaya-otvetstvennost-za-voynu/viewer> (дата обращения: 13.01.2025); Малинова О. Ю. Великая Отечественная война как символический ресурс: эволюция отображения в официальной риторике 2000–2010-х // Россия и современный мир. 2015. № 2 (87). С. 17, 26; Koposov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge, 2018; War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus; и др.

⁹ Политика памяти в России — региональное измерение. М., 2023.

¹⁰ См.: Лапин В. В., Матисова А. Б. Памятники России как индикатор исторической политики: 1991–2021 гг. Региональное измерение // Политика памяти в России — региональное измерение. С. 401–443.

¹¹ См.: Христофоров В. С. Советская контрразведка в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): историческая память и вопросы мемориализации // Битва за Крым в документах органов государственной безопасности. Симферополь, 2020. С. 34–41.

¹² Лапин В. В., Матисова А. Б. Указ. соч. С. 401.

⁵ См.: Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности. М., 2020; Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. СПб., 2020; Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. СПб., 2021; Методологические вопросы изучения политики памяти. М.; СПб., 2018.

⁶ См.: Миллер А. И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти: причины и последствия // Политика. 2019. № 3 (94). С. 87–102; Малинова О. Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? // Там же. С. 103–126; War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus. London, 2017; и др.

⁷ Малинова О. Ю. Указ. соч. С. 104, 105.

⁸ См.: Бешкинская В., Миллер А. Страндания, подвиг тыла и общая ответственность за войну // Россия в глобальной поли-

литературы, которая освещает деятельность конкретных региональных управлений ФСБ России. Использовались опубликованные данные официальных отчетов ветеранских организаций, ведомственных журналов.¹³

*Монументы памяти сотрудников
контрразведки и разведки —
героев Великой Отечественной войны:
коммеморативные тенденции*

Динамика появления «ведомственных» памятников спецслужб органично вписывается в коммеморативные тенденции, характерные для советского/российского государства и общества на различных этапах развития. Точкой отсчета появления подобных монументов следует считать открытие в 1947 г. в Волгограде памятника «Чекистам, офицерам контрразведки Сталинградского фронта, солдатам и офицерам 10-й дивизии войск НКВД, работникам милиции, погибшим при защите города от немецко-фашистских захватчиков в августе 1942 г. — феврале 1943 г.». Обращает на себя внимание то, что в нем отсутствует ведомственное разделение, которое впоследствии станет привычной практикой.

В советскую эпоху установка различных памятников и памятных знаков, посвященных войне, редуцированной до Победы,¹⁴ наиболее активно велась в 1970–1980-е гг. Однако для спецслужб это время продолжало оставаться «временем тишины»: до конца 1990-х гг. не было принято отдельно отмечать роль советских разведчиков и контрразведчиков в достижении победы. Причины очевидны: органы госбезопасности не выходили из режима закрытости, а многие документы находились на секретном хранении.

Специфическим выходом из этой ситуации становилось увековечивание памяти о подвигах советских партизан. Факты участия органов НКВД в подготовке, организации и операциях советских партизанских отрядов до начала 1990-х гг. тщательно скрывались. Об участии сотрудников разведки и контрразведки в пар-

тизанском движении, которое представлялось «творчеством масс», не принято было говорить и писать. Однако это не означало, что память была утрачена. Там, где активно действовали партизанские отряды, прежде всего на территориях Брянской и Орловской областей, велась установка памятников.¹⁵ Однако на памятниках не упоминалось то, что многие из погибших являлись «партизанами в погонах». Лишь в сентябре 2021 г. в с. Белоголовль Жуковского района Брянской области открыли памятник воинам-чекистам, участвовавшим в организации партизанского движения.¹⁶

В количественном отношении период с 1947 по 1991 гг. был весьма скромным: мы насчитали 12 памятников, которые в той или иной форме отсылают к участию органов госбезопасности в событиях Великой Отечественной войны. Аналогичное число объектов появилось в период с 1991 по 2013 годы. Следующее десятилетие (2014–2024) ознаменовано устойчивым ростом мемориальных объектов такого рода. По нашим подсчетам, за последние 10 лет было установлено 56 памятников. Их общая численность достигла 80-ти. Чем объясняется подобная динамика?

1990-е гг. были временем заметного ослабления влияния спецслужб в сфере символической политики. В наследство современникам были оставлены два ключевых тренда, во многом задающих тон современной «ведомственной» политике памяти. Во-первых, это курс на публичность, понимание того, что в условиях открытого информационного общества лучшей стратегией будет управление медийными потоками для формирования выгодного общественного мнения. Во-вторых, это полемика о государственном насилии, одним из результатов которого стал демонтаж памятника Ф. Э. Дзержинскому на Лубянке в августе 1991 г.¹⁷

В 2000-е гг. ситуация стала стремительно меняться, а к началу 2010-х превратилась в «монументальную гонку», в которой участвовали спецслужбы, стремившиеся разместить свои «профильные знаки».¹⁸ Рост влияния спецслужб

¹³ В 1992–1999 гг. издавался журнал «Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки» — печатный орган Министерства безопасности Российской Федерации. С 2008 г. общественным Советом при ФСБ публикуется журнал «ФСБ: за и против». С 2022 г. Службой внешней разведки Российской Федерации выпускается ежеквартальный журнал «Разведчик».

¹⁴ См.: Липман М. А. Пантеон национальных героев как элемент символической политики. Монументальные практики постсоветской России и общественные представления о выдающихся личностях // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. С. 47, 52.

¹⁵ См.: Памятник воинам и партизанам — освободителям Брянска. Патриотические проекты ОНФ // Патриотические проекты ОНФ. URL: <https://imena.onf.ru/placements/bryanskaya-oblast/pamyatnik-voenam-i-partizanam-osvoboditeleyambryanska> (дата обращения: 12.06.2024).

¹⁶ См.: В Жуковском районе открыли памятник воинам-чекистам // Брянск Today. URL: <https://bryansktoday.ru/article/168833?ysclid=lx2hhskuw47072292> (дата обращения: 12.06.2024).

¹⁷ См.: Браточкин А. Городское пространство // Все в прошлом. С. 35–53.

¹⁸ Лапин В. В., Матисова А. Б. Указ. соч. С. 408, 419.

на реальную политику сопровождался наращиванием их присутствия в символическом поле. В обоих случаях причинами активизации стала внутри- и внешнеполитическая конъюнктура, процессы рассекречивания архивных документов, медиатизации исторических нарративов.

В начале 2000-х гг. в управлениях ФСБ России в республиках Адыгея, Северная Осетия-Алания, Удмуртия и многих других регионах были открыты памятники, мемориальные доски, посвященные сотрудникам органов безопасности — участникам Великой Отечественной войны. География распространения памятников коррелирует с интенсивностью боевых действий (отсюда — максимальная концентрация мемориальных мест в Центральном федеральном округе), с наличием знаковых героев или локальных событий, а также с общественной активностью и уровнем публичности деятельности региональных управлений ФСБ России (рис. 1).

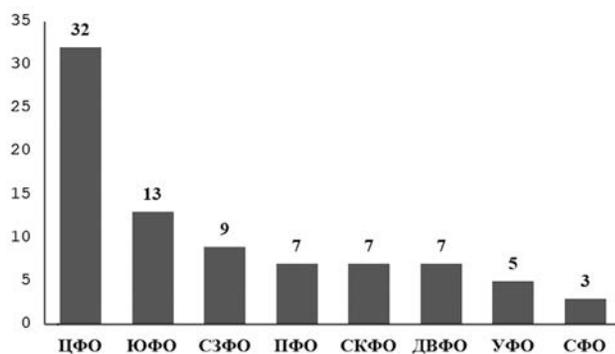

Рис. 1. Общее количество мемориальных мест, посвященных участию сотрудников госбезопасности в Великой Отечественной войне, расположенных в населенных пунктах федеральных округов Российской Федерации (по состоянию на май 2024 г.)

В 2022 г. в мемориальном комплексе «Партизанская поляна» Брянской области был установлен бюст одному из создателей партизанских отрядов специального назначения из сотрудников НКВД — НКГБ и военнослужащих Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР П. А. Судоплатову. «Партизанские» мемориалы имеются в Ленинградской, Курской, Ростовской, Калужской и других областях.

Параллельно ведется работа по сохранению исторического наследия времен войны в ведомственных музеях (ФСБ, МВД, Росгвардии). Они находятся на служебных территориях и доступ в них ограничен: они ориентированы лишь на работу с сотрудниками и военнослужащими.

В 2015 г., к очередному юбилею победы, была расширена экспозиция Музея военной контрразведки ФСБ России, который позиционируется как первый музей истории и боевой славы военных чекистов.

Особый вклад в победу советской разведки призваны увековечить памятники, которые возводятся с начала 2020-х гг. На территории штаб-квартиры Службы внешней разведки Российской Федерации в московском районе Ясенево установлено несколько памятников советским разведчикам. В 2020 г. открылся монумент в честь отечественных разведчиков всех времен — скульптурная композиция, на которую нанесен девиз СВР России «Отечество, доблесть, честь». Со столетием российской нелегальной разведки (отмечалось 28 июня 2022 г.) связано открытие монумента отечественным разведчикам-нелегалам всех времен. В его визуальном оформлении угадывается образ советского разведчика-нелегала Максима Исаева-Штирлица из культового телесериала «Семнадцать мгновений весны».

К числу разведчиков, чье имя активно популяризуется, причисляют и спецаргента НКВД Н. И. Кузнецова. В 2023 г. в мемориальном комплексе «Прохоровское поле» Белгородской области появилась композиция в честь разведчика Кима Филби.¹⁹

Выраженной тенденцией последнего десятилетия является стремление увековечить деятельность Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР и его руководителя — В. С. Абакумова. Появился массив апологической литературы, в которой нет места «темным» страницам деятельности «Смерша», создано более 20 документальных фильмов на эту тему. В ведомственные музеи передаются награды умерших ветеранов-смершевцев для включения в экспозицию. Тенденция общественной реабилитации «смершевцев» обретает и монументальные формы. В апреле 2023 г. в г. Михайловске Ставропольского края был открыт 16-й мемориал благотворительного проекта «Молчаливое эхо войны»,²⁰ который посвящен 80-летию легендарного управления советской контрразведки «Смерш». Одним из

¹⁹ Ким Филби (1912–1988) — один из руководителей британской разведки, агент советской разведки с 1933 г. Установка данного памятника, вероятно, требовала более активного публичного разъяснения вклада Филби в достижения советской разведки.

²⁰ На Ставрополье открыли мемориал памяти бойцам «Смерша» // Пятый канал. URL: <https://www.5-tv.ru/news/427968/nastavropole-otkryli-memorial-pamati-bojcam-kontrrazvedki-smersa/> (дата обращения: 10.06.2024).

триггеров этого процесса является военный конфликт на Украине, заставляющий обращаться к историческому опыту прошлого: «Военная контрразведка — это иммунная система вооруженных сил. И во время войны и в мирное время. Контрразведка защищает армию от удара в спину. Это же самое происходит и сегодня», — подчеркивает бывший руководитель Департамента военной контрразведки (ДВКР) ФСБ России генерал-полковник А. Г. Безверхний²¹ — один из инициаторов проектов по сохранению исторической памяти о подвигах военных контрразведчиков.

Отметим другую важную тенденцию мемориальных практик спецслужб, ставшую заметной с началом российско-украинского конфликта, — объединение памяти о Великой Отечественной войне с памятью о погибших сотрудниках при защите Отечества в мирное время, в Афганистане, Чечне. Примерами таких сооружений являются памятники в Воронеже (создан в 2013 г.), Липецке (2014–2015), Ставрополе (2015), Петрозаводске (2018), Магадане (2022), Вологде (2023), Барнауле (2023). Эту практику можно рассматривать как способ сохранить память о погибших в ходе специальной военной операции, акцентировать важность исполнения служебного долга в мирное время.

Инициаторы и ресурсы

Обратим внимание на инициаторов установки памятников и их ресурсы. Изначально, в советский период, инициатива установки монументов принадлежала государственным, партийным органам. После распада СССР государство отказалось от монополии на символическую политику и вернулось к практике контролируемой монументальной мемориализации в 2011–2012 гг. Активизация государственной политики в идейно-символическом пространстве выразилась в «монументальной лихорадке», проводником которой в области военной истории стало Российское военно-историческое общество. По данным общества, в 2012–2022 гг. им было установлено около 4 000 мемориальных досок, около 500 памятников и мемориальных комплексов.²²

Логично было бы предположить, что усилия и ресурсы РВИО могли бы быть направлены на сооружение памятников советским контрразведчикам и разведчикам, однако этого не про-

исходит. Изучаемые объекты появляются как «низовая» инициатива самих управлений ФСБ России по республикам, краям и областям, общероссийских и региональных общественных организаций бывших сотрудников спецслужб. Особую активность в этом направлении проявляют ДВКР ФСБ России и управления военной контрразведки в военных округах.

На создание памятников направляются символические и материальные ресурсы самих ведомств, рядовых сотрудников, ветеранских организаций, а также благотворителей из коммерческих организаций.²³ Финансовую помощь проекту «Молчаливое эхо войны» оказывали различные коммерческие структуры.²⁴

В церемониях открытия памятников советским спецслужбам часто принимают участие губернаторы субъектов федерации, а также представители РПЦ.

Исторические нарративы в монументальных практиках спецслужб

В монументальных практиках, связанных с формированием ведомственных мест памяти, отражаются основные идеологические установки государственного нарратива, чертами которого исследователи называют: некритическое отношение к собственной истории, ее восприятие как череды славных побед.²⁵

Одним из важнейших тропов является мессианский посыл: призывание органов госбезопасности служить сохранению государственности и восстановлению высокого положения России на мировой арене. Во всех случаях мы видим заявку на высокую нравственность, самопожертвование, тесно связанные с миссией служения Родине и ее спасения. Образ советских спецслужб воссоздается в русле возвращения собственной исторической памяти, сохранения исторических традиций, которые нуждаются в защите от критики и альтернативных трактовок.

О каких корпоративных исторических традициях идет речь? Прежде всего, имеет место «легитимация на тысячелетнюю историю» (Ляпин, Матисова). Контрразведчики и разведчики заслуживают весомой доли символического

²³ Отчет о работе Совета ветеранов военной контрразведки за 2019 год. С. 69 // Ветераны военной контрразведки. URL: <https://vkr-veteran.com/Images/MaterialFiles/34vkr2019.pdf> (дата обращения: 10.06.2024).

²⁴ «Наши памятники объединяют разные поколения» // ФСБ: За и против. 2015. URL: <https://www.osfsb.ru/materialy/iskusstvo/nashi-pamyatniki-obedinyayut-raznye-pokoleniya/> (дата обращения: 23.04.2024).

²⁵ См.: Липман М. А. Пантеон национальных героев как элемент символической политики... С. 57.

²¹ См.: Там же.

²² Российское военно-историческое общество. URL: <https://rvio.histrf.ru/?search=памятник> (дата обращения: 10.06.2024).

пространства в «тысячелетней России».²⁶ Об этом свидетельствует регулярное обращение к знаковым фигурам советского прошлого, например, заметный рост симпатий к фигурам Дзержинского, Андропова; а также удревление собственной истории — установление в качестве точек отсчета становления ведомств символических дат времен Российской империи и СССР. Отмечается стремление «отвоевать» символическое пространство для включения в него «сложных» исторических персонажей, память о которых была незаслуженно опорочена в 1990-е гг.

Тезис о единой исторической судьбе спецслужб различных исторических эпох хорошо просматривается в монументальных сооружениях. Так, в 2023 г. в Вологде был открыт монумент в память о контрразведчиках — сотрудниках органов безопасности трех поколений.²⁷ В октябре того же года в Барнауле появился памятник сотрудникам органов госбезопасности Алтая, который символизирует неразрывную связь разных поколений сотрудников. Усиление идеи преемственности поколений прослеживается и в ритуалах, складывающихся вокруг посещения подобных памятников.²⁸

Итак, ведомственный нарратив во многом воспроизводит тропы общегосударственной политики памяти.²⁹ Коллективные представления направлены на утверждение идеи особого влияния органов безопасности на историю и современную жизнь страны, когда фигура сотрудника спецслужб предстает безупречной фигурой героя — спасителя российской государственности.

Согласимся с мнением Ф. Николаи, который пишет, что подобный романтизированный образ не столько является результатом государственного заказа, сколько опирается на сложившийся в позднесоветское время эстетический канон: канон, уходящий корнями в «неформальную

культурную память и ностальгию по СССР, смешанный со специфическим мелодраматизмом современной «культуры сериалов».³⁰ В монументальных практиках нашли свое воплощение романтические образы советских сотрудников спецслужб из кинофильмов 1960–1970-х гг.³¹

Спецслужбы и Русская православная церковь: на пересечении дискурсов

В публичном дискурсе об истории спецслужб и истории России в целом ощущаются сакральные интонации, которые свидетельствуют о существовании мечты о мессии, способном вернуть счастье нации, возродить величие страны. Они опираются и на широко распространенное почтительно-благоговейное отношение к Русской православной церкви (РПЦ), которое является частью консервативного общественного тренда.³²

Исследователи сходятся в том, что РПЦ является крупнейшим актором в области политики памяти и тесно сотрудничает с государством, но имеет собственную коммеморативную повестку, отличающуюся многообразием.³³

Новая концепция обеспечения безопасности начала 2000-х гг., неотъемлемой частью которой является духовная безопасность, нашла свое зримое воплощение в симфонии монументальных практик спецслужб и церкви.³⁴ Стремление подпитаться символической властью друг друга, усилить легитимность собственных позиций хорошо прослеживается в процессе создания памятников и связанных с ними ритуалах.

Церемонии открытия ведомственных памятных мест, как правило, сопровождаются богослужением и освящением объектов.³⁵ Священнослужители являются гостями праздников и публичных мероприятий, проводимых ветеранскими организациями.³⁶ Бывшие и действу-

³⁰ Там же.

³¹ См. подробнее: Виктор Д., Львов О. Не только Штирлиц. Контрразведка в советском кинематографе. М., 2022.

³² См.: Липман М. А. Пантеон национальных героев как элемент символической политики... С. 57.

³³ См.: Миллер А. И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти... С. 93; Малинова О. Ю. Указ. соч. С. 105.

³⁴ В марте 2002 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II освятил Храм Софии Премудрости Божией на Лубянке, на территории штаб-квартиры ФСБ, что, по мнению исследователей, свидетельствовало о важном идеологическом повороте: о необходимости согласованных действий с целью «борьбы с угрозами духовной безопасности России» (Федор Дж. Указ. соч. С. 198, 199).

³⁵ См.: Открытие памятника на месте последнего боя отряда ОмСБОН НКВД СССР «Особые» // Поисковое объединение имени М. П. Краснолицева. URL: <http://poisk40.ru/otkrytie-pamyatnika-na-meste-poslednego-boya-otryada-omsbon-nkvd-sssr-osobyе> (дата обращения: 12.06.2024).

³⁶ См., напр.: Отчет о работе Совета ветеранов военной контрразведки за 2019 год...

²⁶ Лапин В. В., Матисова А. Б. Указ. соч. С. 417.

²⁷ См.: В Вологде открыли памятник сотрудникам органов безопасности всех поколений // Рамблер. URL: <https://news.rambler.ru/science/51433991-v-vologde-otkryli-pamyatnik-sotrudnikam-organov-bezopasnosti-vseh-pokoleniy/?ysclid=lxс7oohm5г693886904> (дата обращения: 12.06.2024).

²⁸ См. описание ритуалов: «Наши памятники объединяют разные поколения» // ФСБ: За и против. 2015. URL: <https://www.osfsb.ru/materialy/iskusstvo/nashi-pamyatniki-obedinyayut-raznye-pokoleniya/> (дата обращения: 23.04.2024).

²⁹ См.: Николаи Ф. Режимы памяти, национальные нарративы и политики идентичности: открытое будущее исследований памяти // Новое литературное обозрение. 2021. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2021/1/rezhimy-pamyati-nacjonalnye-narrativy-i-politiki-identichnosti-otkrytoe-budushhee-issledovaniy-pamyati.html> (дата обращения: 23.04.2024).

Рис. 2. Мемориальная часовня в рамках проекта «Молчаливое эхо войны», г. Воронеж.
Открыта в июне 2023 г.

(Воронежская областная дума. URL: <http://www.vrnoblduma.ru/press-sluzhba/arkhiv-novostey/12461/>)

ющие сотрудники в дни крупных религиозных и ведомственных праздников, в дни 9 мая регулярно посещают храмы. Ветеранские организации вручают батюшкам грамоты, памятные медали.³⁷ «Совет ветеранов военной контрразведки» сотрудничал с общероссийским общественным движением «Россия православная».³⁸

Как и у других силовых ведомств, у спецслужб появились свои покровители из числа лиц, почитаемых церковью. Так, в апреле 2015 г. в Южном Бутово г. Москвы, в присутствии Патриарха Кирилла и директора ФСБ России А. В. Бортникова, состоялась закладка храма в память святого праведного воина Федора Ушакова и сотрудников органов госбезопасности, погибших при исполнении служебного долга. Патриарх в выступлении подчеркнул, что после возведения храма сотрудники правоохранительных органов смогут здесь встречаться семьями, провожать в последний путь сослуживцев.³⁹ Строительство комплекса было закончено в 2019 г., в том числе благодаря участию Департамента военной контрразведки ФСБ России и Совета ветеранов военной контрразведки ФСБ России.

Наиболее зримым воплощением подобного симбиоза является продолжающийся с 2009 г. благотворительный проект «Молчаливое эхо войны», включающий в себя поисковые работы и возведение мемориальных православных часовен (рис. 2).

Инициатором программы является региональная общественная организация «Ветераны военной контрразведки» (председатель совета организации — К. Яхиен). Под ее началом ежегодно ведутся поисковые работы в местах массовой гибели и захоронений погибших и пропавших без вести, идет перезахоронение на воинских кладбищах. Этим занимаются поисковые отряды, включающие молодых сотрудников органов ФСБ России.⁴⁰ В местах гибели бойцов устанавливаются часовни-мемориалы. Они выполняются из белого (реже — черного) мрамора. Часовня классической формы высотой более пяти метров, изнутри украшается георгиевским крестом, который опирается на постамент в виде георгиевской ленты. После открытия часовен с участием высокопоставленных лиц региона и архиереев епархий они передаются в дар местному приходу.⁴¹ К настоящему

³⁷ Там же.

³⁸ ООД «Россия православная». URL: <https://rosprav.ru/> (дата обращения: 01.06.2024).

³⁹ Отчет о работе Совета ветеранов военной контрразведки за 2015 год. С. 30 // Ветераны военной контрразведки. URL: https://vkr-veteran.com/Images/MaterialFiles/4Деятельность_в_2015_году.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

⁴⁰ См.: «Наши памятники объединяют разные поколения» // ФСБ: За и против. 2015. URL: <https://www.osfsb.ru/materialy/iskusstvo/nashi-pamyatniki-obedinyayut-raznye-pokoleniya/> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴¹ См.: Там же.

моменту возведено 16 часовен: в д. Жидилов Бор Псковской области, Ельне Смоленской области, в пос. Невская Дубровка (Невский пятчок) Ленинградской области, Волгограде, Калининграде, Севастополе, Волоколамске, Хабаровске, Североморске, пос. Поныри Курской области, Пензе, Воронеже.

***

В советский период памятники сотрудникам разведки и контрразведки, погибшим в годы войны, сооружались в незначительном количестве: роль спецслужб особо не выделялась, память о них была частью единого государственного нарратива. Закрытость и специфическая культура секретности также ограничивали возможности для публичного обсуждения роли советских спецслужб в событиях войны. Лишь в 1960-е гг. усилиями государства увековечивались редкие сюжеты и персоналии.

Постепенная консолидация и оформление государственной исторической и мемориальной политики в начале 2000-х гг. привели к тому, что усилиями спецслужб и ветеранских организаций были созданы места памяти, отмечающие вклад советских органов безопасности в борьбу с фашизмом. Чем выше поднимался градус дискуссии об исключительном вкладе государства в Победу, тем более интенсивными стали мемориальные акции. Инициатива в этом вопросе исходила от центрального аппарата и территориальных органов госбезопасности.

Процесс мемориализации стал выражением растущей влияния силовых и правоохранительных органов в целом, включающих свои усилия в единый государственный исторический нарратив. Тесный контакт с победным прошлым и тезис об исторической преемственности собственной истории легитимируют сегодняшние усилия спецслужб в деле борьбы

с врагами, позволяют мобилизоваться, масштабнее закрепить в публичном поле тезис о безупречности собственной деятельности и непререкаемости морального авторитета.

На формирование «ведомственного» нарратива о роли спецслужб в истории войны и истории России в целом заметное влияние оказывают корпоративная этика, имидж спецслужб и представления общества (не следует списывать со счетов потребность в общественной безопасности, стабильности и ностальгию по советскому прошлому). Среди этих ценностей приоритет отдается образу высокой нравственности, романтизации деятельности, этосу всемогущества, исторической миссии спасения Отечества и служения ему. Подобные представления являются порождением и актуальных внешнеполитических угроз, мемориальных войн и глобальных культурных войн — конфликтов по поводу идентичности обществ, в которых одна сторона придерживается традиций и дисциплины, а другая — подчеркивает индивидуальность и свободу.

Наличие значительного материального и символического, властного, ресурса обеспечивает спецслужбам относительную автономность в реализации собственной коммеморативной повестки. Единственным мнемоническим актором, который допущен на это символическое поле, является Русская православная церковь, взаимодействие с которой позволяет еще больше усиливать мессианский троп, легитимировать и поддерживать убежденность в правоте собственной интерпретации истории спецслужб и прошлого страны. Возможно, в этом стоит искать ответ на вопрос о том, почему в настоящее время память о работниках госбезопасности — героях Великой Отечественной войны — как правило, состоявших в рядах Коммунистической партии СССР и бывших убежденными атеистами, — увековечивается культовыми сооружениями.

Yulia N. Guseva

Candidate of Historical Sciences, Moscow City University (Russia, Moscow)

E-mail: j.guseva@mail.ru

Vasily S. Khristoforov

Member of the RAS, Institute of Russian History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: xvsarhiv@rambler.ru

MEMORIALISING THE ROLE OF THE INTELLIGENCE SERVICES
IN MILITARY CONFLICTS OF THE 20TH CENTURY: NARRATIVES AND ACTORS

The authors focus on the intelligence services' historical narratives about the role and significance of counterintelligence and intelligence officers during the Great Patriotic War (more broadly, in the history of Russia), embodied in monumental structures (monuments, memorial complexes, etc.) and

related rituals. The study aims at analyzing the narratives of the special services employees about the Great Patriotic War which is the main object of the symbolic politics of domestic special services. For this purpose, the authors consistently examine the process and content of historical narratives, their goal-setting, expressed in monumental objects and related rituals. Based on the methodological developments of the “third wave” of research on the history of memory, the paper considers the commemorative practices of Russia’s security services, which, as mnemonic actors in the field of Russian symbolic politics, interact with other state and public institutions, primarily with the Russian Orthodox Church. As a result of the study of open sources, as well as the authors’ systematization and analysis of monumental objects erected by the state security agencies in various regions of Russia in honor of the victory in the Great Patriotic War, a conclusion is made about the noticeable intensification of activities of the special services in this direction since the early 2010s, and the resource content of this process.

Keywords: Russian special services, history of intelligence, history of counterintelligence, memory of the Great Patriotic War, historical narrative, collective identity, historical monuments, Russian Orthodox Church

REFERENCES

- Beshkinskaya V., Miller A. [Sufferings, the Feat of the Rear and the Common Responsibility for the War]. *Rossiya v global'noy politike* [Russia in Global Affairs], 2020, vol. 18, no. 5 (105), pp. 60–88. (in Russ.).
- Bratochkin A. [Urban Space]. *Vso v proshlom: Teoriya i praktika publichnoy istorii* [It's All in the Past: Theory and Practice of Public History]. Moscow: Novoye izdatel'stvo Publ., 2021, pp. 35–53. (in Russ.).
- Khristoforov V. S. [Soviet Counterintelligence during the Great Patriotic War (1941–1945): Historical Memory and Memorialization Issues]. *Bitva za Krym v dokumentakh organov gosudarstvennoy bezopasnosti. Materialy po istorii spetsssluzhb na territorii Kryma v period Velikoy Otechestvennoy voyny. Dokumenty* [The Battle for Crimea in the Documents of State Security Agencies. Materials on the History of Special Services in Crimea during the Great Patriotic War. Documents]. Simferopol: N. Orianda Publ., 2020, pp. 32–41. (in Russ.).
- Koposov N. *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. DOI: 10.1017/9781108304047 (in English).
- Lapin V. V., Matisova A. B. [Russia’s Monuments as an Indicator of Historical Politics: 1991–2021. Regional Dimension]. *Politika pamyati v Rossii – regional'noye izmereniye* [The Politics of Memory in Russia – Regional Dimension]. Moscow: INION RAN Publ., 2023, pp. 401–443. (in Russ.).
- Lipman M. A. [Pantheon of National Heroes as an Element of Symbolic Politics. The Monumental Practices of Post-Soviet Russia and Public Perceptions of Outstanding Personalities]. *Simvolicheskiye aspekty politiki pamyati v sovremennoy Rossii i Vostochnoy Evrope* [Symbolic Aspects of the Politics of Memory in Modern Russia and Eastern Europe]. Saint Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo un-ta v Sankt-Peterburge Publ., 2021, pp. 38–64. (in Russ.).
- Malinova O. Yu. [The Great Patriotic War as a Symbolic Resource: The Evolution of the Official Rhetoric 2000–2010]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Contemporary World], 2015, no 2, pp. 6–29. (in Russ.).
- Malinova O. Yu. [Who Forms Official Historical Narrative and How? Analysis of Russian Practices]. *Politiya* [Politeia], 2019, no. 3 (94), pp. 103–126. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126 (in Russ.).
- Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological Issues of Studying the Politics of Memory]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2018. (in Russ.).
- Miller A. [Growth of the Significance of Institutional Factor in Politics of Memory – Causes and Implications]. *Politiya* [Politeia], 2019, no. 3 (94), pp. 87–102. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102 (in Russ.).
- Miller A. I., Pakhalyuk K. A. [The Regional Aspect of Politics of Memory in Russia – Scaling and Actors]. *Politika pamyati v Rossii – regional'noye izmereniye* [The Politics of Memory in Russia – Regional Dimension]. Moscow: INION RAN Publ., 2023, pp. 5–23. (in Russ.).
- Nikolai F. [Regimes of Memory, National Narratives and Identity Politics: The Open Future of Memory Studies]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Observer], 2021, no. 1, pp. 305–314. (in Russ.).
- Politika pamyati v Rossii – regional'noye izmereniye* [The Politics of Memory in Russia – Regional Dimension]. Moscow: INION RAN Publ., 2023. (in Russ.).

[“Our Monuments Unite the Different Generations”]. *FSB: Za i protiv* [FSB: Pros and Cons]. 2015. Available at: <https://www.osfsb.ru/materialy/iskusstvo/nashi-pamyatniki-obedinyayut-raznye-pokoleniya/> (accessed: 23.04.2024). (in Russ.).

Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Yevropy. Aktory, instituty, narrativy [The Politics of Memory in Contemporary Russia and Eastern Europe. Actors, Institutes, Narratives]. Saint Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo un-ta v Sankt-Peterburge Publ., 2020. (in Russ.).

Simvolicheskiye aspekty politiki pamyati v sovremennoy Rossii i Vostochnoy Evrope [Symbolic Aspects of the Politics of Memory in Modern Russia and Eastern Europe]. Saint Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo un-ta v Sankt-Peterburge Publ., 2021. (in Russ.).

Vasiliev A. G., Vysokova V. V., Zaichenko O. V. et al. *Proshloye dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noy identichnosti* [The Past for the Present History: Memory and Narratives of National Identities]. Moscow: Akvilon, 2020. (in Russ.).

Viktorov D., Lvov O. *Ne tol'ko Shtirlits. Kontrrazvedka v sovetskom kinematografe* [Not Only Stirlitz. Counterintelligence in the Soviet Cinema]. Moscow: Veche Publ., 2022. (in Russ.).

War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus. London: Palgrave Macmillan, 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-66523-8 (in English).

Для цитирования: Гусева Ю. Н., Христофоров В. С. Мемориализация роли спецслужб в военных конфликтах XX в.: нарративы и акторы // Уральский исторический вестник. 2025. № 1 (86). С. 99–108. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-99-108.

For citation: Guseva Y. N., Khristoforov V. S. Memorialising the Role of the Intelligence Services in Military Conflicts of the 20th Century: Narratives and Actors // Ural Historical Journal, 2025, no.1(86), pp. 99–108. Doi: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-99-108.